

КОНСТАНТЫ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКОВОМ ВОПЛОЩЕНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕБЕНКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ)

Статья посвящена проблеме лингвокультурологического анализа лексических единиц, репрезентирующих представление о ребенке в народной культуре. Рассматривается наличие семантики «свойственности – чуждости» в номинациях детей и способы ее экспликации на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Посредством анализа номинаций выявляются мировоззренческие константы носителей традиционной культуры. Исследование проводится на материале говоров Среднего Приобья.

Ключевые слова: лингвокультурология; диалектное слово; культурная коннотация; ребенок.

Единицей исследования является диалектное слово как знак народной культуры, как кумуляция культурного опыта носителей традиционной культуры. Призмой подхода к лексической системе диалекта является представление о ребенке, описываемое с позиций лингвокультурологии. Выбор представления о *ребенке* в качестве объекта анализа обусловлен восприятием детства в науке как особого рода феномена, изучая который можно увидеть мир «взрослой» культуры, реконструировать ее мировоззренческие установки. Так, по мысли Д.А. Баранова, «говоря о партнерстве ребенка в диалоге с взрослым, следует подчеркнуть *символический* характер его экспликации, то есть знания, способности, желания, свойства приписываются ему взрослыми, и в этом смысле образ ребенка выступает как зеркало, глядясь в которое человек познает себя» [1. С. 4]. Представленная в семантике диалектного лексического фонда репрезентация образа *ребенка* отражает ценностные ориентиры русского крестьянства.

Крестьянский мир являет собой единый, устоявшийся способ бытия, в котором основной единицей коллектива и рода является семья. Этим объясняется пристальное внимание деревенского социума к внутрисемейным отношениям его членов. Относительно ребенка мерилем его семейного статуса является понятие «норма», «эталон», подразумевающее наличие в составе семьи обоих родителей и их совместных детей. Этот принцип может быть нарушен в отношении кровного или юридического родства. Данное уточнение означает наличие детей от предыдущих браков у одного или обоих супругов, отсутствие у ребенка одного или обоих родителей, рождение ребенка в законном браке или вне его. Рассмотрим данные семейные «аномалии» с позиций лингвистики.

1. Неродной ребенок

(Сов)местный, общий, родной – пасынок / падчерица, неродной, чужой

За корнем *род-* закреплено значение «свой по крови», что позволяет предполагать наличие в данных словах семантики «свойственности» [2. С. 91]. Нарушением этой целостности является наличие в семье «чуждого» элемента, каковым становятся друг для друга дети от предыдущих браков одного из супругов и их неродные родители.

В народном сознании, независимо от внутрисемейных отношений, на ментальном уровне всегда выстраивается противопоставление «родных» и «неродных» детей, эксплицированное в синтагматическом развертывании: *У меня три мужа было. Первый у меня утонул, второй на фронте погиб. Этот – третий, у него двое детей уже*

было и двое у нас местных (Молч.); А у их... У его, значит, двое детей, родных, да третья неродна (ПСЯЛ); С какой хозяйкой сойдуся – она около своих детей, а мои под порогом [без присмотра] (ВС).

Оппозиция «родной – неродной» является частным случаем универсальной оппозиции «свой – чужой», по которой все, что не «свое», «не вместе», отчуждается.

Идея «чуждости», отступления от нормы выстраивает стереотипный образ пасынка и падчерицы как несправедливо притесняемых, обижаемых приемным родителем: *Сватался ко мне и после, ну, думаю, кому оно нужно, чужо дите-то, забижать будет, нет, думаю, сама воспитаю свою доченьку (Колп.); Не его дочь, он ее всяко, всяко называет (Верш.).*

Взаимное отчуждение неродных детей и родителей выстраивает другую оппозицию: *(родная) мать / (родной) отец – (неродная) мать, мачеха / (неродной) отец, отчим*, чьи образы также являются стереотипными: *С мачехой жил. Люди мне говорят: «Ой, Вера, прям застрамилла, заругала она Коленку: «Черт тебя навязал, постылый» (ВС); С мачехами рос, три жены отец брал-то, мать-то третья была, а че, мачехам нужен он? Совсем не нужен (ВС); Так жизнь прошла, не видела добра. Кака молодость была с чужим отцом? (Молч.); Я с девяти лет пошла боронить. У чужого отца жила. Шибко-то не сладко у чужого-то отца жить. Гонял нас. Ночами. Поедешь вечером, да приезжай в два часа или три часа ночи (Крив.).*

Поведение мачехи и отчима по отношению к неродным детям, отступающее от стереотипа, воспринимается как странное: *Мачеха, она ее залюбила, как родну. Она Ольгу-то шибко любит, прям залюбила (ПСЯЛ); И так любил он ее [приемную дочь] – прям что ты: «Настя, Настя, Настя!» (ПСЯЛ).*

Необходимо обратить внимание на то, что факт замещения «чужим» человеком позиции отца или матери является своеобразным «восстановлением» семейного космоса, нормы, по которой у ребенка должны быть и мать, и отец. В случае успешного «замещения», создания счастливой семьи оппозиция «совместный – несовместный», «родной – неродной», «общий – необщий» (которая является частным случаем оппозиции «свой – чужой») снимается: *Эту брал с трими ребенками. Я держал их так, они думали, что родные (В.-Кет).* Таким образом, понятие *родной* включает в свою семантику «бережное, заботливое обращение, взаимное уважение и любовь». Сигналом этого является смена номинации и способность к деминутивному словообразованию: *Так, по-хорошему [приемная дочь зовет отчима]. То ли «папулечка», то ли «папа» ли «папулька», как-то от так (ПСЯЛ).*

2. Ребенок вне семьи: языковая репрезентация образа сироты

Сирота, приплеть, детдомовский, беспризорный
Жить в (чужих) людях, ходить / пойти / расти по людям / по дворам, пойти по миру

Остаться от отца / матери

Факт существования наименования «сирота» выделяет такого ребенка из общей массы других детей, позволяя делать выводы, что в значении этого слова нашло выражение представление носителей народной культуры о ненормальности подобного рода ситуаций. Рассмотрим языковую реализацию данного образа через функционирование единиц, его репрезентирующих.

В народном понимании с образом сироты неизменно связано понятие судьбы, действий сил, внеположенных человеческому постижению: *Ну как не называют, называют, ну какой-нибудь сиротинка, так что вот говорят горемычный. Горький горемыка называют один который живет, судьбы нету* (BC); *В сорок первом году Анна умерла. Ребятишечки были, померли хыть, бог не забыл. Остались бы горе мыкать* (ПСЯЛ); *Мне жизнь така досталась. С детства сиротство досталось. Не жизнь, а горе* (BC).

Семья занимает доминирующую позицию в эмоциональной жизни ребенка. Душевная, эмоционально-психологическая обездоленность сироты обусловлена его одиночеством: *Детдомовска я. Семи годов не было, с городу привезли. Так и живу одна, никого нет* (BC); *Осталась как палец одна. Я маленька осталась восьми годов от матери* (BC). Семантика одиночества в наименовании сирота является доминирующей, следствие этого – появление переносного значения слова сирота – ‘Об одиноком человеке, оставшемся без родных, близких’ [3. С. 738], второго значения у слова сиротство – ‘2. Бесприютность, одиночество’ [3. С. 738]. Зафиксирован перенос данной семантики на предметы материального мира: СИРОТА. 2. Перен. Неустроенный, неухоженный (о неодушевленном предмете). – *Без хозяйки дом сирота, ага* [4. Т. 6. С. 242].

Таким образом, любой сирота – это прежде всего одинокий человек, о чем свидетельствует этимология данного слова: «Сирота. Общеслав. Образовано с помощью суф. -ота от сирь – “сырый, безродный, одинокий”, имеющего соответствия в балт. яз.» [5. С. 409].

Отсюда необычайно трогательное, жалостливое отношение к детям-сиротам, которое на языковом уровне репрезентируется способностью данного слова к деминутивному словообразованию (*сиротка, сиротиночка, сиротинка, сироточка, сиротушка, сиротинушка*), прямыми оценками: *Ой, бедна ты моя сиротинушка, осталась ты без отца и без матери. Горька ты сиротинушка* (Кож.); *Он, бедный, сиротой был, ни отца, ни матери* (BC); *Я среденька была. Взяла меня к себе соседка наша. Шибко уж они меня не обижали. Жалели они меня.* Наличием в языке идиоматических выражений, свидетельствующих о жалостливом отношении к сиротам: *сиротская зима* – «теплая» [6. С. 590].

Наличие родителей перестает быть важным с момента вступления сироты в брак. Обретая семью, он восполняет недостающие компоненты в «эталонном» образе человека, становится «таким, как все», поэтому особый статус аннулируется: *Я сирота была, по лю-*

дям ходила – надоело, вылетела замуж семнадцать лет (BC); *Жила плохо, в сиротстве, по людям ходила, а потом взамуж вышла семнадцати годов* (BC).

3. Внебрачный ребенок

Сураз (ураз, суразка, суразенок / суразята, суразюшка, суразье мясо), безотцовщина, беззаконница, незаконный, безмужный, внебрачный, крапивник / подкрапивник, разведенный, нагулянный, приобретенный, найденный

Внебрачный ребенок в народной культуре считается существом маргинальным в силу своего происхождения, он является обособленным и противопоставленным обществу, что вербализовано в самом наименовании данного понятия (и его стилистически сниженных синонимах). Внебрачный ребенок противопоставляется обществу на основании своей «непохожести», так как он рожден вне закона (внебрачный): *Незаконных детей называли сураз, разведенных называли* (BC); *Раньше женщина родила вне брака – суразом звали, но сейчас уж никак не зовут* (BC).

Как известно, раньше обстоятельства появления сураза на свет делали его беззащитным перед лицом закона, перед обществом. Его права зачастую не соблюдались, в отличие от прав ребенка, у которого известен и формально существует отец (ср. *По отцу и сыну честь*): *Ураз – без отца живет ребенок* (Крив); *Суразом – отца не было, вот и сураз, безотцовщина, беззаконница* (BC).

Безотцовщина – это беззащитный человек. Слово *безотцовщина* рождает богатые культурные и исторические аллюзии, свидетельствующие о значимости отца в жизни ребенка (ведь отец – это представитель породы, это транслятор семейных традиций и ценностей, способный передать их ребенку). Ребенок, не знающий отца, лишен истории, лишен части самого себя.

Если сиротство является трагическим стечением обстоятельств, то появление на свет незаконного ребенка – это результат вызова общественной морали и попрания нравственных норм: *В деревне у нас бабенки больно пошли нравом спорченные. Вот Ларка, племянница ейная, у ей ведь парнишка суразенок* (Пар.); *Раньше от конфуз был, что сураза родить. Сураза стыдно принести* (Мол.). Факт рождения ребенка женщиной, не состоящей в законном браке, традиционно осуждается обществом, а она сама и ее ребенок становятся своего рода изгоями:

– *[Как называют женщину, родившую вне брака?]* – *Проституткой* (BC); *[- А если внебрачный ребенок – девочка, как его называют?]* – *«Все равно сураз. Суразюшка»*. *[- А женщину?]* – *«Сучонка»* (BC). Негативное отношение к женщине, родившей вне брака, реализуется в бранных, оскорбительных наименованиях, свидетельствующих об осуждении и презрении.

Вину за рождение сураза традиционная культура возлагает исключительно на мать. Отец ребенка не осуждается отчасти потому, что в большинстве случаев он остается неизвестен, отчасти потому, что в русской культуре идея дома и семейственности связана прежде всего с женщиной, которая является хранительницей домашнего очага, несет ответственность за гармонию семейных отношений [7. С. 204]. Рождение ребенка вне брака однозначно порочит женщину даже при наличии

в ее характере несомненных достоинств: *Она авторитетна была так, хоть и ребенка принесла (ПСЯЛ).*

Наряду с широко распространенными обозначениями незаконнорожденного ребенка (сураз, безотцовщина), употребляются и наименования, образованные от названий локусов предполагаемого зачатия или рождения внебрачного ребенка: *подкрапивник (крапивник): «Незаконнорожденный ребенок, как бы найденный в крапиве» [8. С. 95]: Дед Семен на своих внуков только и знает, что кричит: «Крапивники!» (Карг.); Крапивник, или сураз. Раньше был позор, стыд, сейчас нету его... [почему так зовут?] – В крапиве его, на улице нашли его, не дома (Колп.). Дом осознается «своим», обжитым, защищенным пространством, обеспечивающим безопасность от чужого, внешнего мира. «Так, “свой” дом является не только материальным оберегом (дом как место жительства со всем имуществом, хозяйством), но и духовным – как средоточие семейных связей, ценностей» [9. С. 101]. Особый статус внебрачного ребенка на словообразовательном уровне эксплицируется через номинации, семантика которых противопоставлена идее дома: с.-рус., ю.-рус. *заугол, заугольиш, заугольнич, ярослав. подкрылечник, подкустарничек, подпечник, соломенница, сибир. подстожник, подогородник, курск. луговой, дон. подтынник, простореч. подзаборник* [10. Т. 4. С. 414].*

Незаконное происхождение налагает отпечаток на судьбу ребенка. Максимальное отчуждение обществом внебрачного ребенка достигается тогда, когда его особое положение подчеркивается не только использованием соответствующего наименования, но и неприкрыто неприязненным к нему отношением: *Сураз, или подкрапивник, смеялись над ними (Колп.); Попы не давали суразяткам хорошее имя (Кем. Яшк.); [Как называют внебрачного ребенка?] «Суразье мясо» [бран.] (ВС).* В создании специального наименования видится своего рода «клеймо», налагаемое на ребенка, специальная номинация выделяет его из общей массы других детей. Таким образом, за словом выстраивается цепочка ассоциаций, не входящая в значение слова, но неизменно присутствующая в его культурном макрокомпоненте.

Однако существует и противоположная тенденция: тяжелое положение сураза, его «недоля», незащищенность перед лицом общества в силу отсутствия отца, который вписывал бы его в семью, в череду поколений, род, вызывают к нему жалость и осознание его «невинности» за грехи родителей: *Володька – сураз. Безотцовщину беречь надо: безвинна душа (Том.).*

Этическая оценка ситуации незаконнорожденности соответственно отражается в языке, как видно, корпус ЛЕ с семантикой незаконнорожденности очень широк. Интересно отметить, что количество номинаций для обозначения незаконнорожденного ребенка в разы больше, чем для обозначения детей, оставшихся без родителей или живущих в неполной семье. Это объясняется таким свойством народной культуры, как охранительность моральных устоев, по которым сирот должно жалеть, а детей, рожденных в законном браке, осуждать. Примечательно, что негативное отношение к поведению матери переносится на ребенка и отражается в номинации. Негативное отношение проявляется либо в самой внутренней форме номинации (*НЕзаконный* – противостоящий «закону», норме; *ВНЕбрачный, БЕЗотцовщина, БЕЗзаконница, БЕЗмужный; разведЕНЬШ* – модель «змеЕНЬШ»), либо эксплицитно представлено в контексте: *Во зле скажут: «Носила суразят» (ВС).* Примечательно, что для детей, рожденных в законном браке, языковое сознание диалектоносителей не создало специальной номинации, так как «законность» воспринимается как норма и не фиксируется средствами языка.

Таким образом, традиционное сознание в акте ментального упорядочивания мира создает некий бытийно-этический эталон, отступление от которого попадает в зону пристального внимания как несущее угрозу заведенному порядку вещей. В отношении положения ребенка в семье таким эталоном является наличие у ребенка обоих родителей, которые для него родные, рождение в законном браке. Главная функция семьи заключается в воспитании здорового потомства, в передаче родового опыта, поэтому институт полной семьи оказывается столь значимым и занимает одно из ведущих мест в мировоззренческих константах традиционной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов Д.А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении (по этнографическим, фольклорным и лингвистическим представлениям) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2000. 28 с.
2. Серебренникова А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 213 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2008. 1536 с.
4. Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 1–7. 2002.
5. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителей / под ред. С.Г. Бархударова. 3-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1975. 543 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М. : Эксмо, 2005. 736 с.
7. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб. : Искусство-СПБ, 2005. 688 с.
8. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001.
9. Житникова М.Л. Дом как базовое понятие народного мировидения (лингвокультурологический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 191 с.
10. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995.

ИСТОЧНИКИ

ВС – Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 1–7. 2002.

ПСЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2009. Т. 1–3.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 марта 2012 г.